

ЮМОР И БИОПОЛИТИКА: МЕМЫ РУНЕТА В РАЗГАР ПАНДЕМИИ

С.В. Соколовский, О.Н. Подлесных

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ольга Николаевна Подлесных | <http://orcid.org/0000-0001-5215-1140> | olga_podlesnykh@mail.ru | научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

цифровая антропология, меметика, теории чтения, концепции юмора, Рунет, пандемия

Аннотация

В статье рассматривается одна из форм реакции населения на административные меры федеральных и региональных органов власти по борьбе с пандемией, наиболее ярко проявившаяся в течение первого года ее развития, а именно – создание и распространение в Рунете с помощью социальных сетей и популярных мессенджеров множества фото- и видеообразов, постеров, коллажей, анекдотов, фотожаб и стихотворных жанров, высмеивающих как распространяемые слухи, так и санитарные меры и изменившуюся в результате применения таких мер (локдаунов, самоизоляции, дистантного обучения и удаленной работы) повседневность. Собранные материалы позволяют оценить роль иронии и всего, что может вызывать смех, в преодолении депрессии и в борьбе со стрессом, кратко рассмотреть существующие концепции юмора, а также уделить внимание методам прочтения мемов как визуальных текстов с системами собственных значений и смыслов.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках плана НИР ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Наиболее ярким периодом в борьбе с пандемией COVID-19 в России стал 2020 г., в течение которого был реализован весь спектр возможных санитарно-эпидемиологических мер – от введения штрафов за появление в публичных местах без масок и перчаток до полного локдауна и санитарных кордонов. Именно 2020 г., по мнению специалистов, отмечен как наиболее активная фаза пандемии, перешедшая в менее активную благодаря разработке вакцин и массовой вакцинации. Уместно ли рассматривать совокупность всех

Статья поступила 03.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.09.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В., Подлесных О.Н. Юмор и биополитика: мемы Рунета в разгар пандемии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 40–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060045> EDN: MREKVX

Sokolovskiy, S.V., and O.N. Podlesnykh. 2022. Yumor i biopolitika: memy Runeta v razgar pandemii [Humour and Biopolitics: RuNet Memes during the Pandemic]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 40–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060045> EDN: MREKVX

принятых мер в терминах биополитики и биовласти и, если да, какие стратегии использовало население – объект этой биополитики? Авторы предлагаемой статьи считают применение такой аналитической рамки вполне оправданным для анализа реакции людей (ирония и юмор) на события первого года пандемии. Поскольку все рассматриваемые далее административные меры регионального и федерального уровней были направлены на охрану *здоровья*, а объектом воздействия было *население* в его медико-биологическом аспекте, постольку осуществляемая в этой сфере власть с достаточными основаниями может рассматриваться именно как *биовласть*, а соответствующие меры регулирования – как *биополитика*.

Биополитика и биовласть

Понятия “биополитика” и “биовласть” давно стали многозначными и понимаются сегодня чрезвычайно широко. Впрочем, отсутствие строгих дефиниций особой проблемы не представляет: использование этих понятий не только в политической философии, но и в исторических, политологических, социологических и антропологических дисциплинах, приспособляющих их для решения собственных задач, объясняет такую многозначность. Объемы этих понятий продолжают меняться, ибо по справедливому замечанию одного из современных исследователей биополитики Тимоти Кэмпбелла, ни круг наиболее влиятельных ученых (своеобразный ареопаг этой исследовательской области), ни четкие представления о ее предмете и объекте до сих пор не сформировались и продолжают обсуждаться по обе стороны Атлантики и Тихого океана (Campbell 2013: 2). Можно, однако, утверждать, что область разворачивания и функционирования биополитики и биовласти совпадает с областью, в которой любые жизненные проявления взаимодействуют с социальными принципами и моральными нормами общества, с одной стороны, и политическими стратегиями и правом – с другой. Предмет этой области знаний весьма широк, а ее границы неопределенны, поскольку включают буквально все аспекты политики, имеющие отношение к здоровью и жизни как каждого отдельного человека, так и населения в целом: *демографическую* политику со множеством ее субъектов, включая государство и граждан (напр., регуляцию рождаемости со стороны семьи); *экологическую* политику в части, влияющей на качество жизни и здоровья (обеспечение санитарно-гигиенических норм качества воды, воздуха и почвы); *аграрную* и *торговую* политики в случае их пересечения с экологией и обеспечением населения продовольствием; *экономическую* политику (распределение и потребление продуктов, а также некоторых связанных со здоровьем населения видов услуг – напр., медицинских – в региональном, государственном и глобальном масштабах); наконец, *научную* и *образовательную* политики в части развития биомедицинских знаний и их распространения среди населения и т.д. Конституируясь на пересечении жизни и закона, сфера действия биополитики и биовласти оказывается территорией, где противоположности природы и культуры, природы и общества утрачивают свои определенность и значение.

Концепция биополитики и биовласти была предложена Мишелем Фуко в курсе его лекций, прочитанном в Коллеж де Франс в 1978–1979 гг. (Foucault 2008), однако ее контуры были представлены несколькими годами ранее в книге “Воля к власти” (Т. I, “Истории сексуальности”); один из ее разделов был озаглавлен “Право на смерть и власть над жизнью” (Foucault 1976: 175–211). Фуко известен тщательным анализом рождения и распада дискурсивных формаций, в числе которых важное место занял сюжет рождения биополитики – ее форми-

рование было обусловлено сменой власти суверена на режим *власти-знания*. Согласно Фуко, этот тип дисциплинарной и диффузной (т.е. не имеющей единого центра) власти стал все более широко применяться на рубеже XVII–XVIII вв. Он отмечает, что с начала XVIII в. складывается система, которая “выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата”¹ (Фуко 1996: 189). Принципом принуждения в этом типе власти становится *норма*, отклонения от которой наказываются. Новый тип власти – *власть над жизнью* – развивался в двух своих главных формах, образующих два полюса, связанных между собой множеством опосредующих отношений: *властью над телом* (ее Фуко называл *анатомо-политикой*) и *властью над населением*, или *био-политикой народонаселения* (Фуко 1996: 243).

Истоки таких особенностей биовласти, как *диффузность* и *отсутствие* в ее осуществлении *организующего центра*, можно обнаружить уже в концепциях власти у Фридриха Ницше или гегемонии у Антонио Грамши, основанной на *власти убеждения*, весьма близкой к фуколдианской власти дискурса. Сам Фуко так описывает метод аналитики власти в соответствующем разделе “Воли к знанию”:

Анализ в терминах власти не должен постулировать в качестве исходных данных суверенитет государства, форму закона или всеобъемлющее единство некоторого господства; скорее всего, напротив, это только терминальные формы такого анализа. Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, *множественность отношений силы*, которые имманентны власти, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действительности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства. <...> *власть* – это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе. <...> *власть осуществляется из бесчисленных точек и в игре подвижных отношений неравенства* (курсив наш. – С.С., О.П.) (Фуко 1996: 192–194).

В последующих работах (изданных уже после смерти философа) Фуко использует термин-неологизм *gouvernementalité* (в русских переводах передаваемый как “правительность”, “правительственность”, “властоментальность”, “правительственная рациональность”, “ментальность правления” или даже “искусство правления”), призванный обозначать феномен сращения новой идеологии с телесными и ментальными диспозициями всех, находящихся под влиянием этой идеологии. Эта специфическая рациональность присуща неоллиберальному укладу политики и экономики, главной фигурой которого стало особое человеческое существо – *Номо оэкономичес*, отличающееся от сформированного властью-знанием предшественника вовлечением все более широкого круга отношений в сферу рыночной регуляции, включая отношения к собственным телу и психике как к ресурсам, из которых надлежит извлекать максимум полезности (Фуко 2010: 285). Основными модусами и механизмами действия власти, как и при прежнем укладе, остаются *нормализация* и *контроль* при явном усилении *самоконтроля*.

Работы Фуко послужили толчком к исследованиям технологий микровласти во множестве областей социальной жизни и научных дисциплин, включая

антропологию. Вполне понятно, что антропологам нашлось что сообщить о повседневных практиках самоконтроля и процедурах нормализации, поскольку эта проблематика уже присутствовала в исследованиях социализации, инкультурации и передачи традиции, однако ее следовало еще переосмыслить в рамках формирования субъекта и соотнести с фуколдианской хронологией биополитики. Поскольку антропология с первых этапов своего становления избрала в качестве привилегированного объекта исследования Другого (по умолчанию “иноукладного” по сравнению с обществом исследователя), а городская антропология собственных обществ сформировалась позднее, антропологи с самого начала сталкивались с разными темпоральностями и ипостасями субъекта (ср.: Boyer 2005: 521) и не спешили осваивать новый биополитический лексикон (ср.: Sahllins 2002: 41). Отдельные понятия из этого словаря исподволь просачивались поначалу лишь в тематически близкие антропологические специализации, например, в медицинскую, политическую и экономическую.

Недавно ушедший от нас мэтр экономической антропологии Маршалл Салинс (он умер 5 апреля 2021 г. в возрасте 90 лет) весьма скептически относился к увлечению антропологов новой концепцией власти. В работе с симптоматичным названием “В ожидании Фуко, все еще” (ироничный рефрен названия беккетовской пьесы абсурда “В ожидании Годо”) он писал (первое издание этой лекции вышло в 1993 г.):

Текущая фуколдианско-грамшистско-ницшеанская одержимость властью является новейшим воплощением неизлечимого функционализма антропологии. Как и ее структуралистско-функционалистские и утилитаристские предшественники, гегемонизация стирает различия (is homogenizing), растворяя специфичные формы культуры в обобщенных (generic) инструментальных эффектах. Прежде нужно было знать, что “*raison d'être*” *même* [самой причиной существования] прескриптивных шуточных отношений был их вклад в поддержание социального порядка, и даже тотемные церемонии или огородные волхвы (garden magicians) организовывали производство питания. Теперь, однако, “власть” (чем до того являлись “социальная солидарность” или “материальная выгода”) стала интеллектуальной черной дырой, которая всасывает любое содержание культуры. <...> Просто удивительно, какие разнообразные вещи антропологи сегодня могут объяснить с помощью власти и сопротивления, гегемонии и контргегемонии. <...> Вот несколько примеров последних лет из *American Ethnologist* и *Cultural Anthropology*: 1. Прозвища в Неаполе “...прозвища становятся механизмом усиления гегемонии национально доминирующих групп над локальными группами” <...>. 2. Лирическая поэзия бедуинов оказывается контргегемонией (конечно же!). 3. То же можно сказать и о женской моде в Ла-Пасе (да!). 4. Социальная категоризация доминиканских рабов как “крестьян” гегемонична (да!). 5. То же самое – относительно фиесты в Андах, духовности бенгальских женщин среднего класса. <...>. 7. Вьетнамских местоимений. 8. Поминальных причитаний венесуэльских индейцев *Warao*: контргегемония <...> и т.д. (Sahllins 2002: 20–23).

Необходимо, однако, отметить, что основным объектом критики, судя по приведенным примерам, оказывается скорее Грамши, нежели его предшественник (Ницше) и последователь (Фуко) в исследованиях власти. Салинс, однако, объективен в документировании увлечения потестарной терминологией в американской антропологии того времени, в которой, впрочем, в описываемый им период сколько-нибудь систематического осмысления концептов биополитики и биовласти еще не происходило.

Диаметральную позицию в оценке наследия Фуко и его значимости для антропологии занял Пол Рабиноу, ставший главным проводником идей французского философа в американской антропологии. Благодаря усилиям Рабиноу, несколькими годами позже Доминик Бойер, специализирующийся на исследованиях климата, энергии и медиа, сравнил популярность Фуко в среде антропологов и востребованность его аналитики с наличием кислорода в атмосфере

(Boyer 2002–2003: 265). Разумеется, за прошедшее с момента этих дискуссий 20-летие наследие Фуко в отношении концепций биополитики, биовласти и “властоментальности” было обогащено и существенно реформировано в работах таких исследователей, как Майкл Хардт и Антонио Негри, Джорджо Агамбен, Роберто Эспозито, Элизабет Повинелли, Кэтрин Миллз и других (ср.: Агамбен 2018; Хардт, Негри 2004, 2006; Esposito 2008; Povinelli 2016; Mills 2018).

Человек становится субъектом и членом локального сообщества, если он освоил и интериоризовал его фоновые знания и практики, нормы и ценности. В этом случае можно говорить и о том, что само сообщество производит особых субъектов за счет власти нормализации. Даже сопротивление власти нормализации обнаруживает знание нормы и является частью этой власти. Наоборот, незнание фоновых практик, нарушение норм, ошибки исполнения простейших действий выдают чужака. Постоянное давление нормирующей власти сообщества, обеспечивающее усвоение норм и фоновых практик, остается важнейшим аспектом манифестации биовласти – власти над самой жизнью и ее повседневными проявлениями. В то же время интериоризация этих норм, ценностей и практик подрастающим поколением обычно рассматривается антропологами и социологами в рамках исследования инкультурации, индоктринации, социализации, социальной адаптации или интеграции в сообщество – процессов, описывающих биополитическое нормирование новых членов сообщества. Все эти наблюдения и утверждения лежат в основе методологических принципов выбора объекта исследования и определения его границ. В данном конкретном случае – это читающие по-русски, знающие местный контекст и понимающие специфику местного юмора пользователи Рунета, что, с одной стороны, демонстрирует наличие возникающих за счет функционирования локальных режимов биополитики и биовласти общих норм и фоновых практик, а с другой стороны, обусловлено ими. Диффузность биовласти предполагает наличие множества ее акторов и сил, как и существование легитимирующих их деятельность идеологий и дискурсов. Функционирующие в киберпространстве идеологии и дискурсы приобретают специфику, а многие их жанры вообще не имеют офлайн-аналогов. Интернет с его технологиями социальных сетей и мессенджеров и массовостью авторов-участников идеально соответствует этой диффузности, обнаруживая различные формы сопротивления традиционным бюрократическим централизованным институтам власти. Среди множества таких форм одной из наиболее действенных оказываются мемы. К их рассмотрению мы и обратимся.

Мемы как власть и контрвласть

Ричард Докинз, автор термина *мем*, ввел его в 1976 г. для обозначения единицы культурного наследия по аналогии с *геном* – единицей наследия биологического (Dawkins 1976). Идея была подвергнута резкой критике, сутью которой было подчеркивание специфики процессов трансмиссии культуры, во многом резко отличающихся от процессов генетических. Однако в 1990-е годы этот концепт стал использоваться вновь, главным образом в отношении “интернет-мемов” (Shifman 2013: 362) – циркулирующих в социальных сетях и мессенджерах цифровых объектов определенной формы и содержания, отражающих позицию их автора по отношению к комментируемым в них событиям. При этом важными характеристиками интернет-мемов, унаследованными ими от концепта 1970-х годов, оставались их способности к репликации и мутированию, иначе говоря – к передаче с изменением формы или содержания от человека к

человеку (или множеству людей), что и позволяет сравнивать мемы с вирусами и генами. Специалист по теории коммуникации Брэдли Уиггинз отмечает идеологическую заряженность мемов и их способность посредством визуальных образов влиять на поведение потребителя за счет погружения его в альтернативный нарратив или альтернативную картину мира (*Wiggins 2017, 2019*).

Нельзя забывать и о социальной роли мемов: циркулируя в замкнутых сообществах, они обеспечивают темы для коммуникации, тем самым укрепляя социальные связи или выступая в качестве триггеров социального активизма. Оставаясь анонимным, альтернативным и слабо контролируемым каналом коммуникации, мемы способны как поддерживать официальные нарративы (ср.: *Pearce, Hajizada 2014*), так и разрушать их, благодаря чему используются в качестве одного из наиболее эффективных средств ведения кибервойн и стали предметом особой дисциплины – военной меметики (ср.: *Finkelstein 2008*).

В рассматриваемом здесь случае мемы выступают прежде всего как инструмент создания альтернативной реальности, предоставляющей пользователям не только возможность символического противостояния принуждению, но и разрядку и способ борьбы со стрессом и депрессией, вызванными социальной изоляцией во время локдауна.

Мемы как отражение хроники событий первого года пандемии

Некоторые из читателей помнят, что в феврале–марте 2020 г., когда новости о пандемии стали ежедневными, но еще не изменили кардинально обыденную жизнь большинства россиян, многие встретили их с недоверием, скептицизмом и подозрением. В жанрах цифровой поэзии – “пирожках” и “порошках” – анонимные авторы так отразили настроения, царившие среди значительной части российского общества в этот период:

коронавирус наступает
на миллионы россиян
но каждый третий атипичен
и пьян

возможно после карантина
приду к друзьям на карнавал
и буду там бродить без маски
неузнанный и всем чужой

во времена когда царила
с коронавирусом борьба
нас разбросала по диванам
судьба

Другим популярным жанром стали частушки:

Что бы нам ни говорили,
Все на это болт забили,
Хрен загонишь нацию
В самоизоляцию!

С каждым днем все шире морда.
Видимо, мутация.
Вот ведь до чего доводит
Самоизоляция!

Взял путевку на Бали,
А вернуться не смогли.
Плюсы есть и минусы
В ентон хреновирусе.

В рассылаемых десятками через WhatsApp и другие мессенджеры постах (текстовых мемах), этих *дацзыбао* цифровой эпохи, такие настроения выразились в высказываниях, иронически обыгрывающих вероятность официального сценария возникновения и распространения пандемии: “Тот, кто говорит, что один человек не может изменить мир, никогда не ел недоваренную летучую мышь!”, “А помните, как Медведев предлагал добавить ещё один выходной день в неделю?! Всего один!!!”, “У кого-нибудь есть весь сценарий на 2020 посмотреть?”, “Российские сыровары решили побаловать покупателя, выпустив сыр Covid-19, он не имеет ни вкуса, ни запаха!”, “Чувствуете, чувствуете? весной пахнет! Я тоже ни фига не чувствую...”, “В январе все гадали, что же нам принесет год крысы, и только историки помнили, что крысы обычно приносят чуму!”.

Первыми мишенями цифровых атак стали обязательные для публичных

Рис. 1*. Заимствованные мемы. Источник: социальная сеть Одноклассники/ОК.ru (<https://ok.ru/group/55270256017418/album/897886209290/910270432522>); автор поста – Юмор за Одессу и Еврейский АнеКККдоТ, 16.12.2020

мест маски и перчатки², а также рекомендации не трогать лицо и мыть руки. Поначалу циркулировали заимствованные за рубежом мемы – выразительные образы, смысл которых читался без подписей (см. Рис. 1).

Текст одного из рассылаемых постеров сравнивал ситуации 2019 и 2020 гг.: “2019. Офицер, в банке появился человек в маске! – 2020. Офицер, в банке появился человек без маски!”; в другом обыгрывался этот же мотив ограбления: “Алло, я уже в магазине, что брать? – Ты в маске? – Да. – Бери кассу!” В крупных городах люди устраивали карнавальные флешмобы, в которых масками служили пластиковые коробки от тортов, маскарадные маски и военные противогазы (см. Рис. 2).

Практики обращения с масками подвергались высмеиванию в мемосфере вплоть до отмены их обязательного ношения, для чего среди прочего использовалисьлюбимые фразы из популярных фильмов и герои мультфильмов (см. Рис. 3).

Тема санитарных масок была обыграна и в маркетинговых стратегиях, отразившись, например, в настенных календарях и кондитерских изделиях (см. Рис. 4).

Шоппинг и ранние антиковидные меры. В начале пандемии, когда эпидемиологи открыли счет первым ее жертвам в России и ввели первые меры санитарного контроля, российская публика, по телевизору уже наблюдавшая с некоторым недоумением и отстраненным любопытством картины покупательских излишеств за границей и пытавшаяся установить связь между распространением вируса и ростом потребности в туалетной бумаге (напр., австралийский

кризис), сама наводнила бакалейные отделы магазинов и очистила их от любых “долгоиграющих” товаров. Ритейлеры, как это обычно и происходит в рыночной экономике, воспользовались этим и взвинтили цены. Гречка как наиболее популярная крупа в России первая подверглась ценовой атаке, далее последо-

Рис. 2*. Снимки из московского метро, иллюстрирующие риторику преуменьшения и преувеличения опасности заражения. Источники: (фото слева) сайт Piximus (<https://piximus.net/fun/daily-mix-2385>), Daily Mix, part 2385, 17.03.2020; (фрагмент фото справа) сайт Триникси (<https://trinixy.ru/190544-vot-oni-samye-spokoynnye-lyudi-v-eto-neprostoie-vremya-2-foto-video.html>), пост “Вот они, самые спокойные люди в это непростое время”, без авт., 18.03.2020

Рис. 3*. Кадры из фильма Э. Рязанова “Служебный роман” и из мультфильма Р. Качанова и Э. Успенского “Крокодил Гена”. Источники: (слева) сайт Пикабу (https://pikabu.ru/story/masochnyiy_rezhim_7758766), автор поста – ErikZX, 07.10.2020; (справа) социальная сеть Одноклассники/OK.ru (<https://ok.ru/group/55270256017418/album/897886209290/908430205194>), автор поста – Юмор за Одессу и Еврейский АнеКККдоТ, 13.11.2020

вали рис, овсянка, перловка, кукурузная крупа и пшеничная мука, а затем сахар и соль. Когда автор этой статьи зашла после работы в крупный супермаркет в один из таких “батальных” дней, то обнаружила на опустевших полках только растерзанный пакетик киноа – довольно дорогой и экзотический для здешних

Рис 4*. Календари на 2020 и 2021 гг. (слева); “кулинарные новинки” (справа).
Источники: (слева) сайт BigBookName (<https://bigbookname.com/user/arseniy-ushakov-23069397>), автор поста – Арсений Ушаков; (справа) сайт Пикабу (https://pikabu.ru/story/pirozhenko_7848897), автор поста – kakvizadolbali13, 22.11.2020

Рис. 5*. Товарный ажиотаж. Источник: сайт MyBgDay (<https://mybgday.com/news/sobytiya/shutki-pro-koronavirus-chast-4-iskusstvo>), пост “Шутки про коронавирус. Часть 4. Искусство”, автор поста – Айляк Балдаран, 06.04.2020

Ешьте три головки чеснока в день, может от вируса это не поможет, но люди будут держаться от вас подальше

Рис. 6*. Фрагмент фото из супермаркета (слева); ироничный комментарий к рекомендации о социальной дистанции (справа). Источники: (слева) сайт “Продукт медиа” (<https://producttoday.ru/2020/05/18/marketing-rossijskih-proizvoditelej-v-uslovijah-pandemii-koronavirusa>), без авт., 18.05.2020; (справа) сайт “Приколы” (<https://mypricol.com/2020/03/karikatury-i-memy-pro-koronavirus.html>), пост “Карикатуры и мемы про коронавирус”, автор поста – Елена [2020]

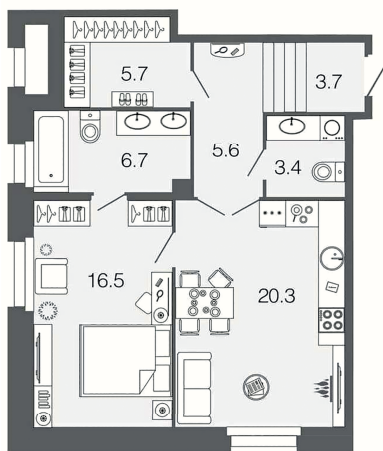
мест продукт, по большей части употребляемый вегетарианствующими хипстерами. Однако случай туалетной бумаги оказался провальным для отечественных ритейлеров, тщетно пытавшихся соблазнить приверженцев определенных брендов изощренными манипуляциями с ценами. Российская публика решительно отказалась покупать бумаги больше, чем обычно, поскольку старшее поколение еще помнило, что старые газеты вполне для этой цели подходят и могут рассматриваться в качестве “импортозамещения”, а более молодые люди последовали спартанской логике: “меньше еды – меньше нужды”. Возможно, граждане понадеялись, что уж воду в этот трудный момент им не отключат (см.: ироничное отражение ситуации на Рис. 5)³.

Ритейлеры оказались более удачливыми в отношении тех продуктов, которые люди рассматривали как надежные средства народной медицины и профилактики коронавируса. Запасы чеснока, лимонов, имбиря и перца чили были распроданы по непомерным ценам. Куркума, прежде малоизвестная российским домохозяйкам и продающаяся в основном в магазинчиках специй для приверженцев восточной кухни и адептов йоги, стала желанным трофеем и с энтузиазмом употреблялась в таких больших количествах, которые не могли бы рекомендовать даже наимоднейшие и ультралиберальные диетологи.

Аптеки в начальные месяцы пандемии, когда еще никто не знал, как лечить пациентов с ковидом, потребовали свою долю прибыли. Аскорбиновая кислота (витамин С), аспирин и парацетамол продавались килограммами. Образованная элита предпочла более рафинированные и более дорогие средства, ставшие в то время модными в Европе, такие как гидроксихлорохин, паромоциф и хлорохин. Все эти причуды и капризы толпы отразились в мемах, часть которых носит документальный характер (см. Рис. 6).

Локдаун. После короткой начальной фазы скептицизма и беспечности в феврале 2020 г. последовал шок от локдауна и продления социальной изоляции, когда власти во многих регионах разрешали только короткие вылазки в соседние продовольственные магазины и аптеки и выгул собак поблизости от места проживания. В некоторых случаях стало значимым даже расстояние от дома или его номер (были установлены дни недели, по которым жильцы четных и нечетных

СТРОЮ ПЛАНЫ, КУДА ПОЙТИ НА ВЫХОДНЫХ

Лето 2020 Горячие путевки!

1. Лас-Кухняс
2. Лос-Балконос
3. Санта-Спальня
4. Порто-Ванна
5. Коста-Дель-Зал
6. Кресло Эль-Шейх
7. Остров Свободы Св.Туалет
8. Пуэрто де ла Гараж

Рис. 7*. Куда отправиться во время карантина. Источники: (слева) сайт “Толк” (<https://tolknews.ru/news/32398-podborka-memov-pro-koronavirus>), автор поста – ТОЛК, 25.03.2020; (справа) сайт Кемпер-Центр (<https://camper-c.ru/raznoe-2/otpusk-v-aprele-2019-nedorogo-s-detmi-krasivye-mesta-foto.html>), рубрика “Экзотические места для пляжного отдыха”, без авт. [15.04.2020]

домов могли совершать короткие вылазки). Пожилые люди старше 65 лет были изолированы более строго и должны были, по крайней мере в Москве, полагаться на социальные службы и службы доставки. Все эти меры спровоцировали множество протестных реакций и насмешек. Поскольку страны одна за другой закрывали границы и многие авиакомпании отменили международные полеты, отпускные планы автоматически обнулились. Несостоявшиеся туристы вместо тропических пляжей обнаружили себя запертыми в своих квартирах перед телевизором и угрюмым зимним пейзажем за окном (ситуация получила сатирическое название *shutdown*). Фрустрация вследствие нереализованных отпусков нашла выход в создании и потреблении злободневных мемов (см. Рис. 7).

Наиболее креативным и тонким было фото, на котором из картины известного художника-соцреалиста была сделана забавная иллюстрация современных событий (см. Рис. 8)⁴.

В конце первого года пандемии блогеры Рунета соревновались в остроумии, угадывая предновогодние желания (Грета Тунберг пожелала отменить все полеты самолетов и посещение школы; российская олимпийская команда, раз не едет в Токио, пожелала, чтобы и остальные не поехали; Александр Лукашенко пожелал, чтобы продавцы нефти приплачивали клиентам за ее покупку; собаки пожелали, чтобы хозяева надели намордники и умоляли их о прогулке; учителя пожелали в наступающем году не ходить в школу, но получать зарплату; жены пожелали, чтобы мужья перестали ходить по барам и спортивным мероприятиям и т.д.). Итог первого года пандемии был отмечен в блогосфере следующим ироническим комментарием: “Вот и подходит к концу самый короткий год в истории человечества: январь, февраль, карантин, декабрь!”

Рис. 8*. Прогулки по графику (слева); фрагмент картины “Кружевница” работы Василия Тропинина (1776–1857) (справа) – ироничная фоторепродукция с пробками от шампанского вместо коклюшек, намек на количество алкоголя, выпитого во время карантина. Источники: (слева) сайт “Фишки” (<https://fishki.net/3335652-o-progulkah-po-grafiku-v-moskve-raznye-kartinki.html/gallery-7841446/>), пост “О прогулках по графику в Москве”, автор поста – Danny7, 04.06.2020; (справа) https://vk.com/id4055406?z=photo4055406_457242608%2Falbum4055406_00%2Frev, автор поста – Ирина Шох, 07.04.2020

Социальная изоляция, удаленная работа и образование. Отмена полетов и ограничение передвижений (санитарные кордоны, пропуска на выезд из города и другие меры социальной изоляции, введенные во многих регионах страны) привели к стремительным изменениям в экономике и образовании. В тех городах, где пенсионеры бесплатно пользовались общественным транспортом, они быстро обнаружили, что их транспортные карты заблокированы – эффективная мера для уменьшения числа пассажиров, поскольку большинство пожилых людей не могут позволить себе много ездить без государственной поддержки.

Начальный период пандемии характеризовался нехваткой информации о природе вируса и отсутствием опыта у властей и бизнеса, последствиями чего стали взаимные недовольство и жалобы, что привело к всеобщему смятению, которое было быстро использовано онлайн-комментаторами. Те бизнесы, где дистанционная работа была возможна в принципе, перестроились быстро, но университетским преподавателям и школьным учителям пришлось тяжело, поскольку учебный процесс не был адаптирован для удаленного обучения. Семейная и офисная рутина переплелись и смешались, границы между общественным и частным стали размываться и складываться в новых конфигурациях, что спровоцировало и отчаянье, и веселье. Возникавшие препятствия для нормальной работы и учебы тут же стали предметом множества мемов, служивших главным рупором несогласных с мерами физической изоляции (см. Рис. 9).

Одно из вирусных видео в Instagram**, озаглавленное “После карантина”,

** Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

– Не стреляй, он вроде за хлебom

Рис 9*. Ситуация интервью во время переаттестации (слева); обыгрывается старый кадр (милицейская форма прежнего образца, которая использовалась до 2012 г.); этот мем выходил и с другими подписями (“Не стреляй, он уже не чихает!” или “Целься лучше и не попади в собаку, велено стрелять только в их хозяев!”) (справа). Источники: (слева) сайт АйДаПрикол (<https://idaprikol.ru/picture/cemu-novomu-vy-naucilis-vo-vremya-samoizolyacii-NG4bRxUa7>), автор поста – jamalsp_2019, 16.04.2020; (справа) сайт Author.Today (<https://author.today/post/79056>), комментарий к “Антивирусные мемы. Часть 10”, автор поста – Андрей Федотов, 04.04.2020

представляло школьника у доски, которому предлагалось написать формулу соотношения массы и энергии. Голос преподавателя за кадром требует: «Пиши букву “Е”!»! Школьник пишет на доске прописную “е”. «Большую латинскую “Е”!», – поправляет преподаватель. Ученик рисует более крупную версию прописной латинской “е”. “Заглавную “Е”!!!», – переходит на повышенный тон учитель. Ученик, наконец, пишет правильный вариант буквы. Учитель: «Что делает энергия? Пиши “равно”». Школьник пишет прописью “Е равно...” – “Как пишется знак равенства?” – (молчание). – “Рисуй две параллельные линии!” Дрожащая рука ученика стирает слово “равно” и проводит две вертикальные линии. “Горизонтальные параллельные линии!!!”, – гремит голос учителя. Далее трудности происходят с кириллическими и латинскими версиями букв “m” и “с”, но кульминация наступает, когда ученику нужно написать финальное “в квадрате” в формуле $E = mc^2$, и он заключает формулу в квадратную рамку, вместо того чтобы написать цифру “2”, означающую возведение “с” во вторую степень. «Пиши цифру “2”!!!», – вопит учитель. Ученическая рука выводит “2” в одном из углов квадрата. “Мимо!” – уже визжит закадровый голос. В видео точно отображены результаты длительного весеннего карантина 2020 г. и множества последующих перерывов в работе школ, когда их администрация должна была спешно реорганизовывать учебные планы в соответствии с практическими требованиями технологий дистанционного обучения.

Поскольку в период карантина 2020 г. власти регионов, сильно пострадавших от пандемии, таких как Краснодарский край или Ивановская область, блокировали въезд в некоторые города и выезд из них с помощью санитарных и полицейских кордонов и ограничивали часы торговли, а также вводили строгую регуляцию перемещения пешеходов, требуя предъявления QR-кодов или специальных пропусков, эти ситуации также нашли отражение в сатирических мемах (см. Рис. 10).

Растущие проблемы с пропусками для машин (пропуски позволяли работающим в соседних городах добираться до своих рабочих мест), неспособность местных администраций выпускать нужное количество разрешений вовремя и отдавать тех, кому они необходимы, от тех, кто просто очень хочет, привели к жульничеству и коррупции, которые также не прошли незамеченными (см. Рис. 11).

Страхи, подозрения, предубеждения. Как уже отмечалось, на ранних стадиях пандемии в стране часть населения встретила административные усилия, состоявшие в тот момент главным образом в гигиенических рекомендациях и

Рис. 10*. Крестоносцы (слева); соревнование дискурсов (справа). Источники: (слева) сайт “Фишки” (<https://fishki.net/3367330-kusochek-smehakarikatury.html>), пост “Кусочек смеха. Карикатуры”, автор поста – Андрей Эйнав, 12.07.2020; (справа) сайт Пикабу (https://pikabu.ru/story/v_svyazi_s_poslednimi_sobyitiyami_7328252?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing), автор поста – Vanna.artist, 30.03.2020

Появились первые образцы пропусков для свободного передвижения по городу во время карантина.

Рис. 11*. “Карантинный пропуск”. Источник: сайт “JoyReactor” (<https://reactor.cc/post/4295271>), пост “Проверенные информационные технологии для карантина”, автор поста – teonik, 30.03.2020

Рис. 12*. Недоверие к вакцинам и лекарствам. Источники: (слева) сайт “Shazoo.ru” (<https://shazoo.ru/2022/02/04/122033/vpechatleniya-ot-ghostwire-tokyo-progulka-po-tokio-nesmotrya-na-pandemiyu>), комментарий к посту “Впечатления от Ghostwire”, автор комментария – sss77, 02.04.2022; (справа) сайт “Форум всея Великия и Малыя и Бelyя России” (<https://for-ua.info/viewtopic.php?f=2&t=82697&start=12420>), тема “Демотиваторы”, автор поста – alekzenkov, 29.03.2020

санитарных мерах, со скептицизмом и подозрительностью. Когда стали применяться первые вакцины, ковид-диссиденты атаковали их как неэффективные и опасные. Методы лечения и лекарственные препараты также стали популярными мишенями для насмешек (см. Рис. 12). Статистические показатели и оценки числа пострадавших критиковались одновременно и как раздутые, и как преуменьшающие их реальное количество (ср.: «В Росстате сейчас уже не принято говорить “... умерло от коронавируса”, – теперь нужно витиевато заявлять: “... успешно завершили лечение, но с отрицательным результатом”). На одном из постеров для разоблачения статистического жульничества представлен вымышленный диалог в морге между патологоанатомом и сотрудником, заполняющим форму: «Доктор, какую причину смерти я должен записать? – Пиши “коронавирус”. – На теле два огнестрельных и три ножевых ранения! – Пиши “коронавирус с сопутствующими заболеваниями”!»

* * *

Какую роль играют мемы в жизни общества, в рамках которого они циркулируют? Следует ли рассматривать “мемосферу” как мощное средство низового сопротивления властям, настолько эффективное, что его использование способно ниспровергать правительства (это предполагается, например, в исследованиях американского Департамента обороны, анализировавшего меметику как средство ведения современной гибридной войны; ср.: *Finkelstein* 2008; *Metahaven* 2013)⁵? Или, быть может, следует рассматривать мемы, в особенности сатирические и юмористические, как средство борьбы со стрессом, тревожностью и депрессией, которое не столько вовлекает население в политическую мобилизацию, сколько помогает ему успешно адаптироваться к плохо прогно-

зируемой и быстро меняющейся ситуации? Такие трактовки меметики, разумеется, не исчерпывают ее возможностей. Спектр ситуаций, которые отражают мемы, настолько велик, что их следует скорее рассматривать в качестве своего рода виртуальных устройств, потенциальностей или аффордансов, которые используются исключительно контекстуально, применительно к конкретным случаям с целями как благими, так и разрушительными. Для лучшего понимания выбранного нами для анализа особого класса визуальных и текстовых интернет-мемов, выражающих “смеховое” отношение к кризисной ситуации (ирония, юмор, сатира), необходима теория чтения и интерпретации мемов со стороны воспринимающей их цифровой аудитории. Одним из эффективных способов прочтения может стать предложенное Львом Выготским различение смысла и значения, в котором смысл понимается как существование более широкого понятия, нежели значение, остающееся лишь одним из аспектов смысла⁶. И хотя это различение использовалось нашим выдающимся психологом только в отношении слов, оно вполне работает и при анализе понимания мемов. Теоретик чтения Луиза Розенблатт, опираясь на идеи Выготского, предложила различать два вида чтения текста: *эфферентное* (от лат. *efferre* – уносить), основой которого является прямое значение составляющих его элементов, а главной задачей – извлечение информации (так мы читаем научные статьи), и *эстетическое*, в котором особый смысл придается ассоциациям и аффективной наполненности текста, создаваемой им атмосфере и получаемым от такого чтения эмоциям (Rosenblatt 1995: 24)⁷.

В своей теории чтения Розенблатт следует вслед за Шиллером, для которого эстетический смысл жизни оставался более важным, нежели политический, моральный, экономический и т.д., что соответствовало тогдашнему пониманию эстетики как общей теории восприятия и вдохновляемому ею антиредукционистскому подходу к пониманию жизни и человека. Такое прочтение меметики предполагает среди прочего, что мы не просто “схватываем” значение мемов (эфферентно их прочитываем), но буквально переживаем, эмоционально “проживаем” их смыслы. Это и объясняет эффективность потребления мемов в рассмотренном случае как средства против обусловленных социальной изоляцией стресса и депрессии.

Меметика может служить и отличным полигоном для тестирования существующих концепций юмора и его объяснительных схем. Одна из таких теорий как раз рассматривает юмор как средство для снятия стресса и разрешения тревожности. Однако есть и множество других теорий/концепций, которые опираются на результаты соответствующих исследований в физиологии, психологии, эстетике и социологии и пытаются интегрировать эти результаты в различные схемы, объясняющие происхождение смешного (как в истории и эволюции человека, так и в ситуациях дня сегодняшнего) и рассматривающие его стимулы, функции, а также смеховое поведение (ср.: Wasilewska 2018). Помимо уже упомянутой концепции освобождения от забот и тревог (*relief theory*), которую разделяли и поддерживали такие видные мыслители, как Герберт Спенсер, Зигмунд Фрейд и Михаил Бахтин, существуют по меньшей мере еще два крупных или основных теоретических подхода, широко использующихся в философских и психологических дискуссиях о природе юмора: теория превосходства (к ней склонялись среди прочих Рене Декарт, Томас Гоббс и Анри Бергсон) и теория несоответствия, поддерживаемая такими выдающимися философами, как Иммануил Кант, Фридрих Шопенгауэр и Сёрен Кьеркегор. Сегодня эти подходы реализуются во множестве вариантов и модификаций (обзоры см. в: McDonald 2012; Ölin 2016). И хотя представленная выше подборка мемов едва ли может

стать надежной площадкой для апробации конкурирующих концепций (для этого потребовались бы также прямые свидетельства о восприятии конкретных мемов со стороны их потребителей), ее вполне можно рассматривать как часть необходимых для такой апробации материалов.

Смысл раскрываемой в мемах хронологии событий первого года пандемии оказывается достаточно широким и в географическом, и во временном отношении, поскольку иллюстрирует и иронически комментирует не только функционирование власти в кризисный период в одной отдельно взятой стране, но и отношения цифровой публики и сетевых аудиторий к действиям власти в других странах в условиях этого же и подобных этому кризисов. Как замечает автор термина “капиталистический реализм” британский теоретик культуры и блогер Марк Фишер, идеология этого современного, опирающегося на мощную медиаиндустрию уклада такова, что он буквально не позволяет рассмотреть и по достоинству оценить альтернативные ему социальные устройства. Лишь выход за его дискурсивные рамки, демонстрируемый сетевой меметикой, предоставляет возможность как-то сдерживать этот идеологический напор (Fisher 2009).

В одном из сборников амстердамской группы “Metahaven”, опубликованном в Москве Институтом медиа, архитектуры и дизайна “Стрелка”, эта сетевая контрстратегия характеризуется следующим образом:

Людам, которых необходимо слушать и слышать, постоянно говорят, что у них нет представления о масштабе угрозы, что и является эффективным способом заставить их молчать и навязать свою рамку интерпретации. <...> Шутка имеет потенциал для сопротивления и опрокидывания этой рамки, навязываемой политическим *status quo*... У шутки есть пока неопробованная власть прерывания, более сильная, чем мы могли подозревать. В интернете шутки, если они достаточно заразительны, могут быстро набрать аудиторию в сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч и миллионы людей буквально за несколько минут (Metahaven 2013: 20, 25).

Как заметил по этому поводу один из цифровых аналитиков, новые цифровые технологии обеспечивают “скрытые возможности микропротеста, которые иным образом не смогли бы проявиться, причем таким образом, что отдельные люди начинают себя чувствовать частью чего-то большего”⁸. Одновременно эти технологии гарантируют как отправителю, так и получателю анонимность, обеспечивающую разрыв с официальными модусами коммуникации. Юмор остается весьма специфичным каналом для выражения неодобрения или дистанцирования от действий властей. Он не позволяет последним слишком отрываться от реальности, дает им возможность удерживаться от эксцессов и злоупотреблений, поскольку выглядеть смехотворно или стать объектами иронии и сатиры мало кому хочется. Популистские высказывания и неэффективные решения властей всех уровней в период пандемии быстро подвергались осмеянию и в России, и в других странах, где таких решений тоже было немало. Как демонстрируют приведенные выше примеры, комментировались и ненадежная статистика в отношении пострадавших, и коррупция полиции при установлении кордонов, и неуверенность региональных властей в выборе санитарных мер, и продолжительность локдаунов, и эффективность используемых методов дистанционного обучения. Действенность такого обратного канала связи от населения к властям разных специализаций и уровней трудно переоценить. Впрочем, эффективность мемов в любой пропаганде и контрпропаганде давно известна специалистам, иначе бы не существовало такой прикладной дисциплины, как военная меметика (см. подробнее: Finkelstein 2008). Поскольку привилегированной площадкой и средой распространения мемов стали социальные сети и

мессенджеры, цифровая антропология как дисциплина, исследующая онлайн-овое поведение людей и офлайн-овое влияние сетей, не должна упускать из внимания эту важную область современной цифровой реальности.

Примечания

* Все изображения, использованные в статье, цитируются исключительно в целях иллюстрирования научной аргументации.

¹ “...qui fonctionnent non pas au droit mais à la technique, non pas à la loi mais à la normalisation, non pas au châtement mais au contrôle, et qui s'exercent à des niveaux et dans des formes qui débordent l'État et ses appareils” (*Foucault* 1976: 118).

² В постерах был отмечен и спекулятивный рост цен на эти быстро исчезающие из аптек предметы: “Вы заметили, как ловко они ввели налог на воздух: в маске можно дышать за 20 руб., а без нее – за 5000!”. Экономия на одноразовых масках также стала объектом для насмешек авторов постеров: “Китайская пословица: тот, кто перенесет две волны пандемии в одноразовой маске, станет бессмертным!”.

³ Иронический ремейк знаменитого портрета, известного как “Девочка с персиками” (1887) Валентина Серова, на котором вместо персиков на столе лежат несколько рулонов туалетной бумаги с названием “Персик”, вероятно, обозначающим ее бархатистую текстуру и нежный аромат.

⁴ Ироническая версия картины “За мир!” (1950) Федора Решетникова, где с помощью фотошопа один из персонажей картины получил медицинскую маску, а вместо фр. “PAIX” на доме дети исправляют мелом его номер.

⁵ Ср. также: *Pearce K., Hajizada A.* No Laughing Matter: Humor as a Means of Dissent in the Digital Era: The Case of Authoritarian Azerbaijan // *Demokratizatsiya*. 2014. No. 22. P. 67–85. (https://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya%20archive/GWASHU_DEMO_22_1/B158221228502786/B158221228502786.pdf).

⁶ “Смысл слова... оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи, и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная. Как известно, слово в различном контексте легко изменяет свой смысл. Значение, напротив, есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова <...> Реальное значение слова неконстантно. <...> Слово, взятое в отдельности в лексиконе, имеет только одно значение. Но это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла” (*Выготский* 1999: 323–324).

⁷ Для понимания “поэмы или пьесы читатель должен расширить объем своего внимания, включив в него аффективную ауру и ассоциации, вызываемые словами, и сосредоточиться на своих переживаниях – настроениях, сценах, ситуациях, создаваемых в ходе взаимодействия...” (*Rosenblatt* 1995: 25).

⁸ Чит по: *Coleman G.* Anonymous: From the Lulz to Collective Action // *The New Everyday*. 2011. April 6. <http://mediacommons.futureofthebook.org/tne/pieces/anonymous-lulz-collective-action>

Научная литература

Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Boyer D. The Medium of Foucault in Anthropology // *Minnesota Review. New Series*. 2002–2003. No. 58–60. P. 265–272.
- Boyer D. Welcome to the New Europe // *American Ethnologist*. 2005. Vol. 32. No. 4. P. 521–523. <https://doi.org/10.1525/ae.2005.32.4.521>
- Campbell T. Introduction // *Biopolitics. A Reader* / Eds. T. Campbell, A. Sitze. Durham: Duke University Press, 2013. P. 1–40.
- Dawkins R. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Esposito R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
- Finkelstein R. *A Memetics Compendium*. Baltimore: University of Maryland, 2008.
- Fisher M. *Capitalist Realism*. L.: Zero Books, 2009.
- Foucault M. *Histoire de la sexualité*. Vol. 1, *La volonté de savoir*. Paris: Éditions Gallimard, 1976.
- Foucault M. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–79*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008.
- McDonald P. *The Philosophy of Humour*. Penrith: HEB, 2012.
- Metahaven. *Can Jokes Bring Down Governments: Memes, Design and Politics*. M.: Strelka Press, 2013.
- Mills C. *Biopolitics*. N.Y.: Routledge, 2018.
- Olin L. Questions for a Theory of Humor // *Philosophy Compass*. 2016. Vol. 11. No. 6. P. 338–350. <https://doi.org/10.1111/phc3.12320>
- Povinelli E. *Geontologies: A Requiem to Late Liberalism*. Durham: Duke University Press, 2016.
- Rosenblatt L. *Literature as Exploration*. N.Y.: The Modern Language Association of America, 1995.
- Sahlins M. *Waiting for Foucault, Still*. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002.
- Wasilewska E. Humor and Laughter // *The International Encyclopedia of Anthropology* / Ed. H. Callan. Chichester: John Wiley & Sons, 2018. P. 1–7. <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1875>
- Wiggins B. Navigating an Immersive Narratology: Fake News and the 2016 U.S. Presidential Campaign // *International Journal of E-Politics*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 16–33. <https://doi.org/10.4018/IJEP.2017070101>
- Wiggins B. *The Discursive Power of Memes in Digital Culture: Ideology, Semiotics, and Intertextuality*. N.Y.: Routledge, 2019.

Research Article

Sokolovskiy, S.V., and O.N. Podlesnykh. **Humour and Biopolitics: RuNet Memes during the Pandemic [Yumor i biopolitika: memy Runeta v razgar pandemii].** *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 40–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060045>
EDN: MREKVX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Olga Podlesnykh | <http://orcid.org/0000-0001-5215-1140> | olga_podlesnyh@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

digital anthropology, mimetics, theory of reading, humour theories, RuNet, pandemic

Abstract

The authors focus on the specific channel of people's reaction to official biopolitics employed by the Russian federal and regional authorities during the first year of the Covid-19 pandemic. During this period RuNet digital audiences created, disseminated and consumed lots of humorous memes in the form of photo and video images, posters, collages, rhymes and jokes, targeting various official policies, including official morbidity and mortality statistics, sanitary measures, the timing of lockdowns, recommended remedies, current distant education technologies, etc. The commented collection of the digital pandemic memetics provides an opportunity to test various humour theories, as well as to assess theories of visual information reading.

References

- Agamben, G. 2018. *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniia* [The Church and the Kingdom: Towards the Theological Genealogy of the Economy and Government]. Moscow: Institut Gaidara.
- Boyer, D. 2002–2003. The Medium of Foucault in Anthropology. *Minnesota Review. New Series* 58–60: 265–272.
- Boyer, D. 2005. Welcome to the New Europe. *American Ethnologist* 32 (4): 521–523. <https://doi.org/10.1525/ae.2005.32.4.521>
- Campbell, T. 2013. Introduction. In *Biopolitics: A Reader*, edited by T. Campbell and A. Sitze, 1–40. Durham: Duke University Press.
- Dawkins, R. 1976. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.
- Esposito, R. 2008. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Finkelstein, R. 2008. *A Memetics Compendium*. Baltimore: University of Maryland.
- Fisher, M. 2009. *Capitalist Realism*. London: Zero Books.
- Foucault, M. 1976. *La volonté de savoir* [The Will to Knowledge]. Vol. 1, Histoire de la sexualité [History of Sexuality]. Paris: Éditions Gallimard.
- Foucault, M. 1996. *Volia k istine: po tu storonu vlasti, znanii i seksual'nosti* [The Will to Knowledge: Beyond Power, Knowledge and Sexuality]. Moscow: Kastal'.
- Foucault, M. 2008. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–79*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Foucault, M. 2010. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. St. Petersburg: Nauka.
- Hardt, M., and A. Negri. 2004. *Imperia* [Empire]. Moscow: Praksis.
- Hardt, M., and A. Negri. 2006. *Mnozhestvo: voina i demokratsiia v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.
- McDonald, P. 2012. *The Philosophy of Humour*. Penrith: HEB.
- Metahaven. 2013. *Can Jokes Bring Down Governments: Memes, Design and Politics*. Moscow: Strelka Press.
- Mills, C. 2018. *Biopolitics*. New York: Routledge.
- Olin, L. 2016. Questions for a Theory of Humor. *Philosophy Compass* 11 (6): 338–350. <https://doi.org/10.1111/phc3.12320>

- Povinelli, E. 2016. *Geontologies: A Requiem to Late Liberalism*. Durham: Duke University Press.
- Rosenblatt, L. 1995. *Literature as Exploration*. New York: The Modern Language Association of America.
- Sahlins, M. 2002. *Waiting for Foucault, Still*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Vygotsky, L. 1999. *Myshlenie i rech'* [Thought and Language]. Moscow: Labirint.
- Wasilewska, E. 2018. Humor and Laughter. In *The International Encyclopedia of Anthropology*, edited by H. Callan, 1–7. Chichester: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1875>
- Wiggins, B. 2017. Navigating an Immersive Narratology: Fake News and the 2016 U.S. Presidential Campaign. *International Journal of E-Politics* 8 (3): 16–33. <https://doi.org/10.4018/IJEP.2017070101>
- Wiggins, B. 2019. *The Discursive Power of Memes in Digital Culture: Ideology, Semiotics, and Intertextuality*. New York: Routledge.